

АВТОМАТИЧЕСКИЕ СТИХИ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

Статья посвящена анализу сюрреалистических тенденций в творчестве русского поэта-эмигранта Бориса Поплавского. Рассмотрено развитие принципов французского сюрреализма в его сборнике «Автоматические стихи» (1930), впервые опубликованном в 1999 г., проанализированы языковые доминанты его поэзии: метафоричность, синестезия, соединение взаимоисключающих понятий в единый суггестивный образ, при этом точное следование языковым нормам.

Ключевые слова: сюрреализм, Андре Бретон, Борис Поплавский, сюрреалистическая метафора, автоматическое письмо.

Фигура Бориса Поплавского (1903-1935) – представителя молодого поколения писателей и поэтов «первой волны» русской эмиграции в Париже – одна из самых противоречивых в русской литературе. Интерес к нему возрос в конце XX века, когда были переизданы его романы и сборники стихов, появились новые статьи и монографии о творчестве, написано несколько диссертаций по роману «Аполлон Безобразов».

Творческий путь Б. Поплавского однозначно определить не могут ни его современники, ни критики. Его сравнивали с Джойсом и с Прустом, Рембо и Андреем Белым. Наряду с негативными оценками, например, В. Набокова – «крайне поверхностное знание русского языка» [2, с. 168], были и высказывания в духе Д. Мережковского: «если эмигрантская литература дала Поплавского, этого одного с лихвой достаточно для ее оправдания на всяких будущих судах» [2, с. 13]. Он «футурист, (кубоимажинист), дадаист, сюрреалист, заумник, (пост)символист. Художник, едва не музыкант» [4, с. 16], «декадентский монпарнасский поэт» [2, с. 33].

Борис Поплавский прожил в Париже почти 15 лет. Хотел стать художником, писал и читал стихи, «опьяняющие, утонченные и неожиданно сильные, с музыкальной сложностью, с отчетливым подъемом, переходящим в какой-то полет» [2, с. 140]. Когда стихотворной формы было недостаточно, чтобы «охватить все темы, весь мир, все явное и тайное» [2, с. 140], начал писать романы. При жизни поэта был издан только один сборник его стихов – «Флаги».

Для нашей работы особый интерес представляют именно поэтические опыты Б. Ю. Поплавского. Цель статьи – на материале сборника «Автоматические стихи» исследовать сюрреалистический пласт творческого наследия поэта, а также выделить языковые доминанты этого литературно-художественного направления в русских поэтических текстах.

Научные работы на стыке нескольких дисциплин, как известно, приобрели особую актуальность в современной филологии. Как указывает Л.П. Иванова, «современным исследованиям тесно в рамках какой-либо одной науки» [5, с. 52]. Полипарадигмальный подход позволяет глубже проникнуть в суть и полнее проанализировать произведения, тяготеющие к синтезу искусств, в которых органическое художественное целое формируется под влиянием различных эстетических систем, временных и пространственных искусств. Сказанное особенно справедливо, когда речь идет о сюрреализме.

Это уникальная авангардная, изначально литературная школа, возникшая во Франции в 1920х годах и вобравшая в себя элементы живописи, философии, психоанализа, политики. Обвиняя цивилизацию в «притворном безразличии к душевному миру человека», в том, что «под предлогом прогресса» из сознания не только изгонялись всякие суеверия, но одновременно был наложен «запрет на любые поиски истины, которые не соответствуют общепринятым», сюрреалисты видели выход в открытиях Фрейда, в возрождении прав на воображение, на доступ к тем «глубинам нашего духа», где «дремлют некие таинственные силы», способные оказывать влияние на наше сознание, и, если потребуется, «подчинить контролю наш разум» [3, с. 432].

В «Манифесте сюрреализма» 1924 года Андре Бретон, один из лидеров движения, обозначил сюрреализм как «чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить <...> реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений» [3, с. 443]. В эпоху послевоенного кризиса заменой «скомпрометировавшего себя» разума стала сюрреалистическая революция – «чисто духовная, индивидуалистическая, расковыливающая личность с помощью <...> сна, алкоголя, табака...» [1, 78]. Именно в слиянии двух противоречащих друг другу состояний – реальности и сна – видел Бретон путь к некоей абсолютной реальности, к «сюрреальности».

Борис Поплавский не был знаком с группой Андре Бретона, но живо интересовался новейшими веяниями в творчестве французского авангарда. Эстетика сюрреализма, его ничем не ограничиваемая образность были близки поэту. В 1998 году в парижском архиве Татищевых были найдены стихотворения Поплавского, написанные им в 1930х годах и собранные в сборник под названием «Автоматические стихи».

Как известно, автоматическое письмо было главной категорией сюрреалистической эстетики. Это творчество, опирающееся только на подсознательные импульсы без контроля разума. Давая определение данному методу письма, сам Б. Поплавский писал: «Он состоит как бы в возможно точной записи внутреннего монолога, или, вернее, всех чувств, всех ощущений и всех сопутствующих им мыслей, с возможно полным отказом от выбора и регулирования их, в чистой их алогичной сложности, в которой они произносятся» [цит. по 8, с. 78].

Однако такие ли уж автоматические «Автоматические стихи» Бориса Поплавского?

Трудно ответить на этот вопрос однозначно. В сборнике несомненно присутствуют стихотворения, напоминающие автоматический поток исключительно произвольных образов. Вот один из таких примеров:

*Соединенье железа, стекла, зеленого облака,
Предсмертной слабости, а также скрежета,
Испарины снега, бумаги, геометрии и перчаток
Снятых со многих, многих снов
Давно истлевших
Забывших
Кто знал тогда что перед нами предстанет
На западе
И почему столько судов замерзло на юге
Полных вращения
Что-то вдруг изменилось...*

(Во всех стихотворениях соблюдена авторская пунктуация – Л.П.)

Стихотворение действительно далеко уходит от традиционного классического воспроизведения реальности в психоделический мир поэта, его переживания и ощущения. Несмотря на конкретную лексику, в целом характерную для сюрреалистических стихов, ключом к пониманию такой поэзии может быть только абстрагирование, отказ/уход от конкретного восприятия предметов и явлений, концентрация на чувственных образах.

Такая поэзия ориентирована на интерпретацию. Необычные, зачастую шокирующие образы, столкновение семантически несочетаемых фраз побуждают читателя искать в них скрытый смысл, возможную связь. Несомненно, что такая интерпретация носит очень субъективный характер. С такой оговоркой посмотрим на следующее стихотворение.

*На большой глубине
Где-то где-то
В смиренной рубашке
Во тьме, во сне
Безумное солнце – и камень
На сотни верст вокруг.
Безумно и глухо оно говорило во сне
Закованы ангелы в черные цепи
Всё спит – помогите
Не надо, так лучше –
Светлеет усталость
Как утро сквозь души
Рождается жалость*

Здесь обязательная для сюрреализма причудливая субъективность взгляда

на мир, на наш взгляд – внутренний мир поэта, колебание на грани сна и пробуждения, погружение в глубины человеческой психики, где втиснутое в смирительную рубашку безумное солнце безумно говорит о закованных в черные цепи ангелах. Большая глубина, подземелье – важные мотивы в творчестве Поплавского, которые в его стихах, похоже, становятся синонимами самого «подсознательного».

Есть что-то упоительное в почти сказочных повторах *«где-то где-то ... во тьме, во сне...»*, в рифме *«на большой глубине ... во сне...»*, в образе беспомощного солнца и ангелов, мольбе о помощи *«все спит - помогите»* и смирении *«не надо, так лучше»*, и, наконец, в ощущении какой-то светлой тоски в последних трех строчках и особенно выделяющейся полной рифме *«светлеет усталость ... рождается жалость»*. Поэтическая образность на стыке наслаждения и страдания.

Такой ассоциативный поток подсознательного видения предметов и явлений присутствует во многих стихотворениях Бориса Поплавского: *«Как гири, души опускались к солнцу Река текла во мраке наизусть...»*, *«Рука рвалась из готового платья Как занавеска в храме пополам Сама к себе бросалась смерть в объятия»*. Здесь поэт строго следует правилу Андре Бретона: «Чем более удаленными будут отношения между сближаемыми реальностями, тем могущественнее окажется образ, тем больше будет в нем эмоциональной силы и поэтической реальности» [3, с. 439]. Поплавский придерживается и языковых норм, которые прописаны в *Манифесте*: правильные грамматические конструкции, специфический выбор лексики, главным образом – конкретной, почти полностью отсутствующая пунктуация.

Одним из ключевых мотивов сборника, на наш взгляд, есть мотив сна. Спят конкретные предметы и природные явления: *«спит статуя с электрическим черным лицом»*, *«Спит зари огонь багровый Глубока дневная ночь»*, *«Всё было тихо, улицы молились Ко сну клонились статуи беседок»*. Сны Поплавского могут трансформироваться в конкретные визуальные образы: *«Сладко спят грядущие дни Положив огромные головы На большие красивые руки»*, *«Спят сыпучие воды зимы»*.

Наиболее интересны примеры метафорической репрезентации сна. Сон может обозначать сюрреалистическое погружение в подсознательное: *«Сонливость Путешественник спускается к центру земли»*, может быть синонимом ухода, смерти: *«Солнце тоскует Блестит весна Мы не проснемся навек от сна»*.

Рассмотрим пример:

*Беззащитный сон глубины
Отразился в руках судьбы
Бледно-желтую нитью зари
Перевязаны руки царей
Всё готово на небесах*

Ждите, тише, он настает

Тот внезапный трепет в часах

Тот ошибочный странный звон

Стихотворение представляет собой лирический поток хаотичных ассоциаций, вращающийся вокруг образного ряда – «сон, судьба, заря, цари, небеса, настанет час», в котором автор манипулирует неожиданными, парадоксальными образами – «беззащитный сон», «нитью зари перевязаны руки», сочетанием визуальной и звуковой аналогии «трепет в часах ... странный звон», объединенной повторным «Тот», создающим эффект реминисценции. Это совершенно открытое для интерпретации стихотворение, в котором можно прочесть как простой ряд сновиденческих картинок до момента пробуждения, так и глубокий онтологический смысл.

В сборнике «Автоматические стихи» встречается много стихотворений, сближающихся с сюрреализмом по целому ряду признаков. Отметим исключительную визуальность многих образов: «С горячих рук больного музыканта Стекала музыка холодная в окно», «Время молчит закусивши хвост», «Ночь как черная жидкость течет из всех переулков», «Эти скитания звуков Нам снились». Многочисленные синестетические аналогии – важная черта поэзии Б. Поплавского. Еще примеры: «Мы пили яркие лимонады и над нами флаги кричали», «Путешественник там замерз Можно съесть его нежный голос», «Разорвите цепи – железо так нежно дышит Камень плачет навзрыд Но никто не слышит».

Сюрреалистическую поэзию всегда отличает развернутая метафора, что позволило исследователям говорить об особой «сюрреалистической метафоричности», основанной «не на сходстве компонентов, а, наоборот, на параллелизме противопоставлений, которые, сближаясь друг с другом, <...> порождают неожиданный образ поразительной силы» [7, с. 57]: «А на дне вселенной качались деревья И дождь уходил В бледно-сером пальто», «Кости упавших домов Согрелись утреним солнцем», «Луч горит в зубах часов стеклянных».

Однако, несмотря на сюрреалистическую тематику и обилие сюрреалистических языковых признаков – авторские семантические неологизмы, метафора, синестезия, специфический подбор слов, создающих определенное настроение, мы затрудняемся назвать все стихотворения сборника сюрреалистическими.

Так, Борис Поплавский любит не свойственные сюрреализму рифмованные стихи. Многие стихи поражают своей музыкальностью:

Тише, души, солнце там на крыше

Не дыши

Пыльный здесь паркет блестит, а выше

Камыши

Там Христос сидит на крыше

Ни души...

Поэт прибегает к открытым сравнениям, против чего особенно возражал Андре Бретон: «Образ есть чистое создание разума. Родиться он может не из сравнения, но лишь из сближения двух более или менее удаленных друг от друга реальностей» [3, с. 439]. Все же развернутые сравнения становятся одной из ключевых характеристик Бориса Поплавского. В сборнике встречаем как обычные образные сравнения: «*О, этот рассвет – Как ангел смерти!*», так и метафорические: «*Мокрые листья как небесные легионы Тихо шумят Зелеными крыльями*», «*Тихо, как рак задом во мрак, Пятится счастье в звездных мирах*», и даже слегка ироничные:

*И страшное солнце всходило не шурясь
А духи ночные бежали в туман
Как пьяница нежный с бульваров и улиц
Обратно знакомой стезей в ресторан*

И, наконец, сборник автоматических стихов Бориса Поплавского отличает типичный для русской поэзии интерес к проявлениям духовности, вопросам мироздания, мировой души, христианские мотивы. Данная тематика не является предметом нашей статьи, отметим только ощущение разочарования, грусти, которыми наполнены те строчки поэта, в которых он пишет о душе, о вечном, зачастую сталкивая возвышенные образы с абсолютно обыденными: «*Внизу на асфальте ходила душа мироздания*», «*Дождик прошел, блестит мостовая Христос в ботинках едет в трамвае*», «*Падал жар убивая души Голубыми пустыми глазами Карлик шум мироздания слушал*».

Еще пример:

*Тихо, медленно в снегу шурша
Кто идет? – Мировая душа
Дайте выйти мне, дайте пригреться
О, откройте железное сердце!
Но двери закрыты, но люди спят
Для них не стоит ни жить, ни сиять*

Таким образом, несмотря на ярко выраженные сюрреалистические мотивы сборника, поэтический стиль на стыке сна и бодрствования, развернутые метафоры и произвольные неожиданные образы, созданные сочетанием семантически несвязных слов, мы не можем безоговорочно согласиться с исследователями, называющими Бориса Поплавского «первым и последним русским сюрреалистом». Скорее можем говорить об экспериментальном характере сборника «Автоматические стихи», об интересе поэта к французскому сюрреалистическому движению, к преобразованию искусства от репрезентации внешнего мира к воссозданию внутренних переживаний, влечений, запретов. Данный вопрос, однако, требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Андреев Л. Г. Сюрреализм. История. Теория. Практика / Леонид Григорьевич Андреев. – М.: Гелеос, 2004. – 232 с.
2. Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Предисл. Л. Аллена – СПб: Издательство Logos; Дюссельдорф: "Голубой всадник", 1993. – 184 с.
3. Бретон Андре. Манифест сюрреализма 1924 года // Хрестоматия по культурологии: Учеб. пособие / Составители: Лалетин Д. А., Пархоменко И. Т., Радугин А. А. Отв. редактор Радугин А. А. – М.: Центр, 1998. – С. 426–446.
4. Захаров К. Нагое безобразие стихов // Борис Поплавский. Орфей в аду. Неизвестные поэмы, стихотворения и рисунки / К. Захаров. – М.: «Гилея», 2009. – с. 9-18.
5. Иванова Л. П. Синтез науки — архитектуры — религии как предмет лингвоимагологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя) / Л. П. Иванова. // СПб. – 2015. – С. 52–56.
6. Поплавский Б. Автоматические стихи // Борис Юлианович Поплавский. – М.: Согласие, 1999. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/poplavskiy-automaticverses/poplavskiy-automaticverses.html#work002025>
7. Стерёпулу Ап. Элени. Введение в сюрреализм. Пер. Л. Акоюна/ Элени Ап. Стерёпулу. – Львов: БаК, 2008. – 144 с.
8. Токарев Д. «Между Индией и Гегелем»: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе // Д. Токарев. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 352 с.

References

1. Andreev, L. G. *Sjurrealizm. Istorija. Teorija. Praktika* [Surrealism. History. Theory. Practice]. Moscow, Geleos Publ., 2004, 232 p.
2. Boris Poplavskij v ocenках i vospominanijah sovremennikov [Boris Poplavskij in the assessments and memoirs of his contemporaries] / Predisl. L. Allena – SPb: Izdatel'stvo Logos; Djussel'dorf: "Goluboj vsadnik", 1993. – 184 s.
3. Breton, Andre. *Manifest sjurrealizma 1924 goda* [Manifesto of Surrealism, 1924]. *Hrestomatija po kul'turologii* [Reader on Culture Studies]. Moscow: Centr Publ., 1998, pp. 426-446.
4. Zaharov K. Nagoe bezobrazie stihov [Naked disgrace of poetry] // Boris Poplavskij. Orfej v adu. Neizvestnye pojemy, stihotvorenija i risunki [Orpheus in hell. Unknown poems, poems and drawings] / K. Zaharov. – М.: «Gileja», 2009. – s. 9-18.
5. Ivanova L. P. Sintez nauki – arhitektury – religii kak predmet lingvoimagologicheskogo opisanija (na materiale publicistiki N. V. Gogolja) [Synthesis of science – architecture – religion as an object of lingvo-imageological description (on the materials of N. Gogol's journalistic works)] / L. P. Ivanova. // SPb. – 2015. – S. 52–56.
6. Poplavskij B. Avtomaticheskie stihy [Automatic verses] // Boris Julianovich Poplavskij. – М.: Soglasie, 1999. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/poplavskiy-automaticverses/poplavskiy-automaticverses.html#work002025>
7. Ster'jopulu, Ap. Jeleni. *Vvedenie v sjurrealizm* [Introduction to Surrealism]. L'vov, BaK Publ., 2008, 144 p.
8. Tokarev D. «Mezhdu Indiej i Gegelem»: tvorcestvo Borisa Poplavskogo v

komparativnoj perspektive ["Between India and Hegel": works of Boris Poplavskij in the comparative perspective] // D. Tokarev. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 352 s.

Прадівлянна Л.М. Автоматичні вірші Бориса Поплавського Стаття присвячена аналізу сюрреалістичних тенденцій в творчості російського поета - емігранта Бориса Поплавського. Розглянуто розвиток принципів французького сюрреалізму в його збірці «Автоматичні вірші» (1930), яка була вперше видана в 1999 р., проаналізовано мовні домінанти його поезії: метафоричність, синестезія, поєднання взаємовиключних понять в єдиний сугестивний образ, точне дотримання мовних норм.

Ключові слова: сюрреалізм, Андре Бретон, Борис Поплавський, сюрреалістична метафора, автоматичне письмо.

L. M. Pradivlianna. Automatic verses of Boris Poplavskij. The article is dedicated to surrealist tendencies in the works of the Russian poet-emigrant Boris Poplavskij.

The main credit for the development of theoretical ideas of surrealism belongs to the French poet Andre Breton who, in the first Manifesto, defined surrealism as pure psychic automatism dictated by thought in the absence of any control.

Boris Poplavskij displayed a vivid interest in new ideas of the French poetic movements. Surrealism didn't define all his poetry, still was a serious step in development. His collection "Automatic verses" manifests the characteristics of the French Surrealist poetics - irrational stream of images, tricks of imagination, classic surrealist "plunges" into dreams and reveries, merge the fantastic and the real worlds into a single unity.

The most valuable attribute of surrealist poetry is a visual image, created by specific metaphors, a particular choice of words that generates certain mood. Deep emotions, images on the verge of dream and reality - these are the characteristic features of Boris Poplavskij's surrealist poetry.

Key words: surrealism, Andre Breton, Boris Poplavskij, surrealist metaphor, automatic writing